

Родившись в семье, для которой были характерны серебристые волосы, Лайла выделялась тем, что была единственной обладательницей пыльных седых волос. Ее ресницы были серыми, и даже глаза были серыми.

— Хоть ты и не валялась в пыли, но выглядишь так, будто покрыта пеплом.

Ракиэль часто говорил такие вещи Лайле, когда они были детьми. Хотя его настроение улучшалось, когда он видел, что Лайла грустит, он не собирался дразнить ее или считать это веселым.

— Черт побери!

Странно, но Ракиэль не чувствовал себя хорошо всякий раз, когда слышал, что нищенка заболела. Нет, если быть точным, в тот день, когда он услышал эту новость, он весь день чувствовал себя плохо. Он даже не мог нормально пользоваться своим мечом.

«Вот почему я старался ничего о ней не слышать».

Ракиэль специально держал дистанцию между ними. Он был раздражен, но сейчас, видя нынешнее состояние Лайлы, ему было не по себе.

«Какой холодный пот... Если я оставлю ее здесь одну, неужели завтра я проснусь и узнаю о ее смерти?»

Он задрожал, представив себе тощий, скрюченный труп, лежащий в ее постели.

— Что же мне теперь делать?

Не зная, что делать, он начал сердито расхаживать взад и вперед, выплевывая ругательства. В конце концов он неохотно добрался до эксклюзивного семейного врача герцога.

Когда Лайла открыла глаза, она вздрогнула от непривычного вида, представшего перед ней. Она огляделась и встретилась взглядом с пожилым мужчиной.

— Проснулась?

Она знала, кто он, но разговаривала с ним впервые. Он был семейным врачом герцога.

Лайла поднялась, взяла воду, которую он протянул ей, и неловко сделала глоток.

— Здравствуйте.

— Хм... Я не совсем здорова.

Старый доктор поднял брови, отвечая на ее неловкое приветствие.

Лайла ничего не ответила и только уставилась на доктора, а он спокойно изучал ее лицо незнакомыми глазами.

— Госпожа Лайла.

— Да, господин Гейл?

— Не нужно быть такой вежливой, но сейчас это не важно. Как долго ваше состояние было таким?

Прежде чем Лайла поняла, что он имеет в виду, ее руки начали дрожать, потому что она услышала то, чего не должна была слышать. Он просто обратился к ней как к госпоже.

— О боже...

Когда он сказал ей успокоиться, она почувствовала страх. Он говорил мягко, не понимая, почему Лайла так реагирует.

Она была просто напугана.

Когда стало казаться, что она не собирается успокаиваться в ближайшее время, доктор что-то пробормотал себе под нос и поднялся со своего места.

Лайла невольно вздрогнула от его движения.

— Тогда, пожалуйста, отдохните.

Доктор просто сказал несколько слов, глядя на нее со сложными эмоциями в глазах, и вышел из больничной палаты.

Лайла вздрогнула, почувствовав, что попала в очень страшное место. Воздух здесь казался немного странным.

С дрожью в теле она поднялась с кровати. Стоя рядом с ней, девушка почувствовала себя

несколько странно. Ее боль значительно уменьшилась.

Боль, которая душила ее до последних мгновений; боль, к которой она привыкла, потому что ей суждено было умереть, значительно уменьшилась.

Вдруг Лайла заметила записку, лежавшую на ящике стола.

«Вы использовали яд в качестве обезболивающего средства, и это повлияло на ваш организм. Если вы страдаете, рекомендуется принимать это лекарство и, по возможности, регулярно заглядывать ко мне. Препарат был приготовлен на ограниченное количество доз, поэтому если вы снова заболите, вам придется вернуться.

P.S. Если вы не хотите, чтобы кто-то знал о состоянии вашего здоровья, я никому не скажу. Так что можете об этом не беспокоиться».

Рядом с запиской лежал бумажный пакет с лекарством.

Лайла почему-то почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Ей даже не было больно, ей просто хотелось поскорее покинуть это место.

Когда она собиралась выйти из больничной палаты, то столкнулась с вошедшим мужчиной. Этим человеком был не кто иной, как Лаос Эстеван, старший брат.

Лаос был первенцем герцогства Эстеван. Судя по оригинальному сюжету, он не был так искусен в фехтовании, как его брат-близнец, но, кроме этого, он был талантлив практически во всем остальном.

Он был тем, кто дольше всех оплакивал смерть Лайлы Эстеван. Он был тем, кого Лайла любила больше всех из своей семьи.

Но...

— Ох...

— Ты.